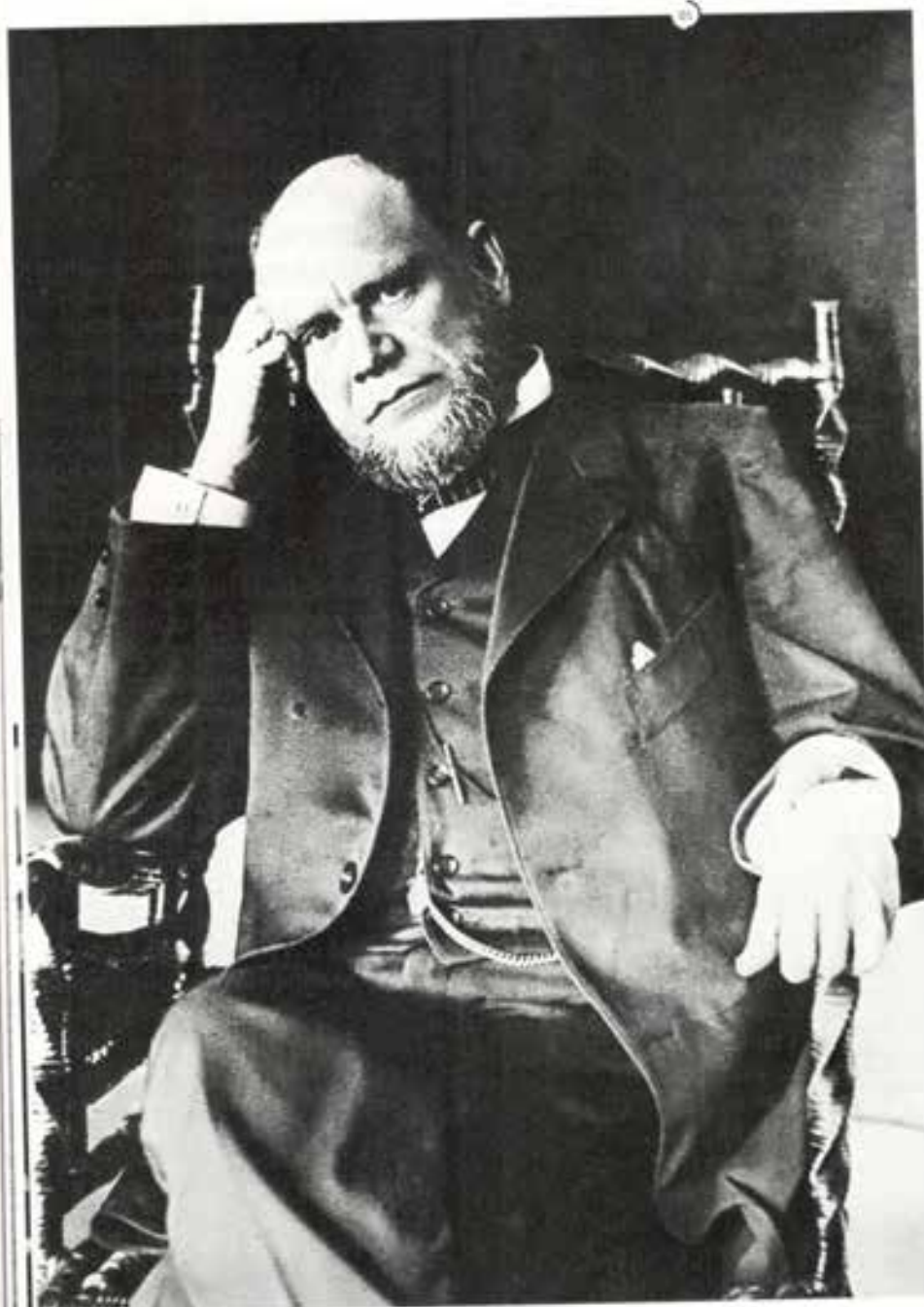

Ученый-экономист Яков Миркин известен своими блестящими аналитическими статьями о текущем моменте. А еще он пишет неожиданные исторические эссе. Герои его рубрики «Большая родня» — императоры и крестьяне, писатели и банкиры, художники и войны — связаны неразрывными, почти семейными узами. Все они живые, даже если давно ушли. Все они любят Родину.

КОНИ ПРИВЕРЕДЛИВЫЙ ЧЕМ НЕ МОГ ПОСТУПИТЬСЯ ДАЖЕ ПОД СТРАХОМ СМЕРТИ ВЫДАЮЩИЙСЯ СУДЬЯ И ВЕЛИКИЙ ГРАЖДАНИН

О

Обожаемый народом судья. Всеми любимым прокурор. Ни-

чем не опороженный чиновник высшего ранга в распадающемся государстве. Разве это может быть? Да, может. Анатолий Федорович Кони, пройдя три царствования, достигнув первого в России чина действительного тайного советника, очутился в изгнании, облаканный диктатурой пролетариата. Счастливый человек!

Выстрел по карьере

Счастливый? Карьерный! Многообещающий. Всего лишь в 33 года был назначен председателем Петербургского окружного суда — столица! — и незамедлительно, в 1878 году попал в процесс Веры Засулич как судья, как тот, кто ведет присяжных к приговору.

И кто же это? Никто в Российской империи. Сын литератора и актрисы, выпускник юрфака Московского университета, прокрутившийся на прокурорских должностях в Сумах, Харькове, Москве и Петербурге и — приглянувшийся на курорте в Карлсбаде министру юстиции.

Засулич — дело выдающееся (его фавулу «Родина» подробно анализировала в № 2, 2016). И простое. Террористка, стреляла в петербургского градоначальника Трепова, схвачена на месте, виновна, наказание неотвратимо. «Револьвер уже в руке, нажала собачку... Осечка! Екнуло сердце, опять, выстрел, крик... Посыпались удары, меня повалили и продолжали бить... — Вы убьете ее? — Уже убили, кажется»¹.

По твердому мнению властей, Кони намеренно провалил процесс Засулич, подве-

*1
Анатолий Федорович
Кони.

*2
Толя Кони с отцом.

*3-5
Дело Веры Засулич
потрясло Россию.

для присяжных, якобы подобранных им, в самой тонкой манере к тому, чтобы они решили: «Не виновна!». И немедленно освободил Засулич (она бежала за границу), до нового приказа об аресте.

Его никогда больше не подпустят к политическим процессам. Только уголовные и гражданские дела. «Когда, после 9-летней опалы за то, что по делу Засулич я был слугою правосудия, а не лакеем правительства, я был, наконец, назначен обер-прокурором, Александр III в зале Аничкина дворца... в грубых и резких выражениях высказал мне о «тягостном воспоминании о неприятном впечатлении, произведенном на него моим образом действий по делу Засулич»².

Он сломал себе карьеру. Зачем? Можно смеяться, но ответ — идеализм, твердая приверженность нравственности, вера в права человека. Не гибкая спина. Неспособность наклониться в угоду, сделать против совести. И еще — любовь. Любовь к человеку поправному, человеку независимому, человеку, отстаивающему свое право на честное, самостоятельное существование. Любовь к народу, имеющему такое право.

Теория и практика права

В 21 год, выходя из Московского университета, он написал диссертацию «О праве необходимой обороны» (1865). Это сочинение вызвало возмущение в цензуре. В нем признавалась возможность обороны против государства: «В справедливости и целесообразности... необходимой обороны в случае незаконных действий общественной власти нельзя сомневаться»³. «Вопрос о праве необходимой обороны народа против незаконно действующего правительства в виде восстания, революции... есть вопрос государственного права». Далее — разбор признания этого права «в сочинениях средневековых публицистов и писателей XVIII века»⁴.

Спустя 13 лет после защиты диссертации — выстрел в Трепова. Теория права сошлась в смертельной схватке с практикой.

По незаконному приказу Трепова был высечен розгами (не снял перед ним шапку) политический арестант в доме предварительного заключения — с его одиночками, «душными, лишенными света камерами»⁵, смертями, самоубийствами и сумасшествием заключенных. Здесь четыре года содержалось до двухсот человек политических. На их глазах позорнейшее наказание одного из них, 25 ударов. «Отвратительная сцена насилия, ничем не оправдываемого и безусловно запрещаемого законом» среди тюремного, «болезненно чувствительного, нервно расстроенного населения» немедленно довела его «до крайнего

ПО ТВЕРДОМУ МНЕНИЮ ВЛАСТЕЙ, КОНИ НАМЕРЕННО ПРОВАЛИЛ ПРОЦЕСС ЗАСУЛИЧ. ЕГО БОЛЬШЕ НЕ ПОДПУСКАЮТ К ПОЛИТИЧЕСКИМ ПРОЦЕССАМ. ТОЛЬКО УГОЛОВНЫЕ И ГРАЖДАНСКИЕ ДЕЛА

предела»⁸. Последовали новые расправы над заключенными.

Реакция общества? Молчание, забвение, безнаказанность.

Тогда и последовал выстрел.

Вот мнение защиты: Засулич совершила акт самопожертвования — не только мести, но еще и протеста «против поругания над человеческим достоинством политического преступника»⁷.

Кони ждал от присяжных признания ее вины «со снисхождением». «Я... желал, чтобы разум присяжных возобладал над чувством и подсказал им решение, в котором признание вины Засулич соединилось бы со всеми смягчениями...»⁸. Его заключительное слово как председателя суда — это призыв тщательно разобраться в обстоятельствах дела. «Пусть в приговоре вашем скажется... «дух правды»⁹.

Присяжным был задан вопрос — виновна ли Засулич в том, что, «решившись отомстить», нанесла с «обдуманном заранее намерением» «рану... пулею большого калибра»? Ответ: нет, не виновна! Такой ответ — не отрицание самого выстрела. «Говоря «не виновна», присяжные вовсе не отрицали того, что она сделала, а лишь не вменяли ей этого в вину»¹⁰.

Действие этого вердикта на общество было ошеломляющим. Он может толковаться как признание возможности необходимой самообороны народа. «Если к человеку врывается шайка разбойников, то, по всеми признанному естественному праву, он может защищаться с оружием в руках... Чем лучше разбойников жандармы, вламывающиеся в чью-то квартиру?»¹¹ И, конечно, у Засулич нашлись последователи. Только в 1894—1916 гг. были убиты тысячи чиновников, около 17 тысяч жертв «революционного террора»¹².

Никаких больше присяжных. Око за око! Только военные суды!

А что же Кони, вызвавший мощные потрясения в обществе? Раскаялся?

Кони считал, что дело Засулич его спасло. «Если... я не оказался бы в опале... я бы продолжал взбираться по иерархической лестнице и, наверное... в один день очутился бы на министерском кресле. И передо мною оказалась бы альтернатива — или же с первых шагов сломать себе шею... или же... пойти на компромисс, на сделку со своей совестью: сперва уступить в одном деле, намереваясь уже зато в другом настоять на своем, но мало-помалу покатиться по этой наклонной плоскости, пока совершенно не потерять своего лица»¹³.

Чужой среди своих

Дальше — чересполосица. Он не любим, в опале, все помнят о деле Засулич. Но еще и очень ценим, как профессионал, честный, нравственный, умный, известный всей России.

⁸ Н. Каразин, Александр III с семьей на месте железнодорожной катастрофы. 1888 год.

⁷ Заседание суда. Санкт-Петербург. 1911 год.
I Места для присяжных заседателей;
II Место для помощника прокурора или присяжного поверенного (адвокат);
III Место прокурора;
IV Аналой для церковной клятвы;
V Суд;
VI Трибуна;
VII Место для подсудимого.

«Я 50 лет работал на большой сцене уголовного суда и правосудия»²⁴. Навскидку — сверхсложный случай, крушение царского поезда в Борках в 1888 году, чудом не повлекшее смерть императора и его семьи. Следствием руководит Кони.

С 1907 года член Госсовета и сенатор. Достиг высших чиновничьих рангов. Предложено министерство юстиции при Столыпине (отказался). Все возможные, по восходящей орденам: Св. Станислав II степ. (1868); Св. Владимир IV степ. (1874); Св. Владимир III степ. (1886); Св.

ТАК РАЗВЕ БЫВАЕТ? КАК МОЖНО УСПЕШНО СЛУЖИТЬ, ПОКРЫВАЯСЬ ОРДЕНАМИ, — И БЫТЬ В ОППОЗИЦИИ? «МНЕ ДО ТОГО ОПРОТИВЕЛ ЭТОТ ГРОМАДНЫЙ ДОМ СУМАСШЕДШИХ, НАЗЫВАЕМЫЙ ПЕТЕРБУРГОМ...»

Станислав I степ. (1889); Св. Анна I степ. (1895); Св. Владимир II степ. (1898); Белого Орла (1906); Св. Александра Невского (1915). Не достиг только высшего — с бриллиантовыми украшениями Св. Александра Невского (революция).

Так разве бывает? Как можно успешно служить, покрываясь орденами — и быть в оппозиции?

«Как опротивел мне Петербург, какую непрерывную цепь страданий я в нем пережил лично за себя и за близких людей и за дорогое дело... Какие еще несчастья готовит мне судьба в этом Молохе?... Человек средних, умеренных убеждений, одинаково негодующий на насилие, откуда бы оно ни шло, сверху или снизу... в котором ошибки правительства не могут заглушить любви к отечеству и пред которым Петербург не заслоняет России, не находит здесь места, удовлетворения, признания, справедливости»²⁵.

«Мне до того опротивел этот громадный дом сумасшедших, называемый Петербургом...»

А еще бы лучше умереть — и не видеть, и не слышать ничего. Тяжело жить среди поголовного и бессердечного безумия целого общества»¹⁶.

Как это возможно? Служить — и быть чужим? К тому же всю жизнь приготавливаясь к смерти?

1868 г. — горловые кровотечения (ему всего лишь двадцать два). 1879 г. — «временный паралич языка и верхней части тела»¹⁷, 1888 г. — «никак не могу добиться ладу с сердцем». 1906 г. — «у меня бывают дни, когда случается по два припада»¹⁸, 1909 г. — «я испытываю такие боли, что кажется, что из сердца мне выдергивают зуб»¹⁹.

Как можно выдержать это без семьи? «Судьба, серьезный взгляд на супружеские отношения, раннее знакомство с жизнью, вечный труд, не оставлявший досуга, создало то, что я лично одинок»²⁰.

Лед и пламень

Кажется, он сделан из крайностей. Быть либералом, «красным» — и верно служить, достигая высших чинов и наград. Всю жизнь провести в кровотечениях и сердечных припадах — и пережить большинство сверстников (ушел в 83 года). Любить, быть окруженным женщинами — и остаться в одиночестве и без детей. Быть юристом, с мышлением формальным — и страстным в письме и речах. Толкователь Пушкина, общеизвестный критик, писатель и публицист, доктор права, почетный академик по разряду изысканной словесности Императорской академии наук, избранный 8 января 1900 г. вместе с Львом Толстым, Чеховым, Короленко, Вл. Соловьевым.

Как это соединить?

Есть ответ: труд. Вечная работа. Служение не государству — обществу. Любовь не к государству — к отечеству. Любовь к своему народу. Любовь к человеку. Безукоризненная нравственность и чувство долга — в помощи, чтобы хоть как-то умиротворить государственную машину. И сделать все возможное — лично, всем, чем можешь — чтобы внести в общество нравственность, рациональность, должное чувство свободы и самоуважения. Чтобы суд был третьей властью в России, независимой, не личной, не имеющей обвинительного уклона. «Нравственные начала в уголовном процессе (общие черты судебной этики)» — это ведь его труд²⁰.

«Иногда приходишь домой из заседания совсем с измученным сердцем — и редки случаи радости по поводу спасения какого-нибудь несчастливца»²¹.

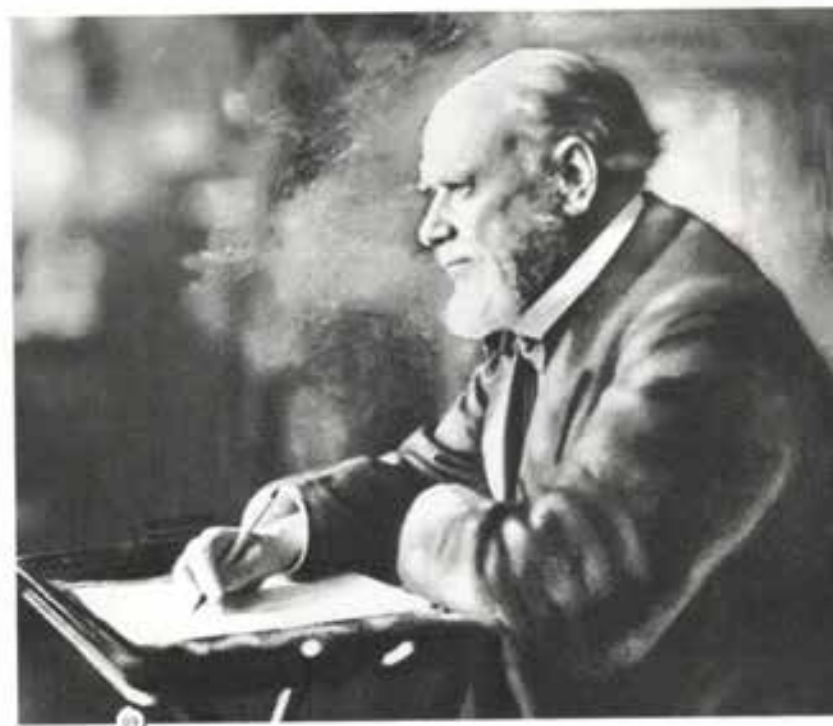
Его тексты захватывают. Десятки очерков и статей, стенограммы речей в суде, письма, редкие по искренности — и сегодня, спустя сто с лишним лет чувствуются образцом стиля, ума и — лучше еще раз сказать — нравственности, доброты. Золотой русский язык. И еще — острые

сюжеты. Его «Судебными речами» (1888) «все зачитывались»²². Следы его расследований у Достоевского и Толстого.

Он был чудесным рассказчиком и, как бы сказали сегодня, «умел дружить».

Может быть, внешность? Верх обаяния? «Ничего от рождения лица нет»²³. Хромой, ковыляющий (последствия случайного происшествия) «Тяжело было наблюдать за старым маленьким человеком, который на костылях передвигался по улице, часто останавливаясь для отдыха». А потом «мы забывали, что перед нами старик... Глядя на него и слушая его образную речь, часто переменяющуюся шутками, острым словом

В РЕШЕНИИ СУДА ДОЛЖНО БЫТЬ ПРОЯВЛЕНИЕ «ТОЙ РАЗУМНОЙ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ, КОТОРАЯ СОСТАВЛЯЕТ ОДИН ИЗ ЭЛЕМЕНТОВ ИСТИННОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ».

АНАТОЛИЙ КОНИ

изображением рассказываемого в лицах (он был прекрасным лицедеем), мы готовы были слушать оратора до бесконечности»²⁴.

«Обаяние ума — вот в чем заключалась сила Кони»²⁵.

И добавим — в соединении того, что соединить нельзя.

* 8, 9

Анатолий Кони: несколько десятков книг и светлая память потомков.

Урок Дон Кихота

Как жить высокому чиновнику — чужо-му среди своих — в эпоху погромов и смерт-

ных казней? «Свобода совести русского человека по-прежнему опутана кандалами, и по-прежнему смертная казнь раскинула свое окровавленное крыло над всеми, даже и некрошавыми, попытками негодующей души добиться лучшей участи для своей несчастной родины»²⁶. «Во второй половине XIX века ежегодно казнили от 10 до 50 человек. Количество приговоренных к смертной казни увеличилось в 5—10 раз в начале XX века»²⁷.

А как жить при красном терроре — человеку, судье, признанному Дон Кихотом?

Кони ответил «хождением в народ». Публичным просвещением (больше 1000 лекций в 1918—1927 гг.). Честной попыткой нести то, что спасет — культуру, искусство мышления, нравственность, высокую юридическую технику. Власть ему даже помогли (Луначарский). Правда, обыскан ЧК, арестован — но только единожды и на ночь. «Работал ни отдельных лиц, ни толпы и никогда не был, работаю не покладая рук и не давая отдыха своему живому слову и в восемьдесят лет» (1924)²⁸.

Это урок. Как в самую жестокую пору уйти от вертикалей, работая ради тех, кто сохранит культуру. Удерживать свет. Делать единственно возможное во времена жестокостей — публично говорить об этике, о суде — о третьей власти, которая все равно, рано или поздно, возникнет.

Счастливый, в общем-то, человек, ни в чем себе не изменивший. Пример, как не запятнаться, сделав карьеру. Как быть нужным и через 100 лет, чтобы можно было открыть том и начать хотя бы с этих слов:

«Правительство всегда смотрело на меня как на только терпимого в рядах государственных служб человека, пользуясь моими дарованиями»

*10

Перезахоронение праха А.Ф. Кони на Литераторские мостки Волковского кладбища Санкт-Петербурга. Середина 1930-х годов.

ми и знаниями и моим тяжким трудом и видя во мне нечто вроде Дон Кихота, который добровольно несет иго чиновника... Оно... то думает, что наказывает меня, обходя назначениями и сутнями побрякушками, то решает меня наградить, вопреки ясно выраженному мною желанию... Но общество относится ко мне иначе. Оно понимает мое служение родине и с полным доверием обращает ко мне взоры, считая меня носителем нравственных начал. И в настоящее смутное и тревожное время оно ждет от меня слова»²⁹.

Его слово случилось. Нам и сейчас нужно такое слово, чтобы жить.

ЗАВЕЩАНИЕ СУДЬЯМ-ПОТОМКАМ

1] Решение суда должно основываться на том, что «представляется логически неизбежным и нравственно обязательным»³⁰.

2] В решении суда должно быть проявление «той разумной человечности, которая составляет один из элементов истинной справедливости»³¹.

3] Судья всегда должен иметь «возможность сказать себе, что ни голос страсти, ни посторонние влияния, ни личные соображения, ни шум и гул общественного возбуждения — ничто не заглушило в нем сокровенного голоса, не изменяло его искреннего убеждения и не свело его с намеченного судейским долгом пути действительного правосудия»³².

Анатолий Кони (1844 — 1927)

²⁶ Засулин В. Воспоминания. — М.: Издательство «Лань», 2017. С. 57.

²⁷ Кони А.Ф. Собр. соч. Т. 8 // М.: Юрид. литература, 1969. С. 308.

²⁸ Кони А.Ф. Страны-наблюдатели Европы. — М.: Издательство «Лань», 2017. С. 24.

²⁹ Там же. С. 40.

³⁰ Кони А.Ф. Воспоминания о деле Веры Засулин. Собр. соч. Т. 2 // М.: Юрид. литература, 1966. С. 48.

³¹ Там же. С. 49-50.

³² Там же. С. 52.

³³ Там же. С. 55.

³⁴ Там же. С. 56.

³⁵ Там же. С. 58.

³⁶ Там же. С. 60.

³⁷ Там же. С. 62.

³⁸ Там же. С. 64.

³⁹ Там же. С. 66.

⁴⁰ Там же. С. 68.

Вильной русской типографии, 1878. С. 6.

⁴¹ Гейфман А. Революционный террор в России, 1894-1917. М.: ИРОН-ПРЕСС, 1997. С. 32.

⁴² Кони А.Ф. Воспоминания о деле Веры Засулин. Собр. соч. Т. 2 // М.: Юрид. литература, 1966. С. 223.

⁴³ Кони А.Ф. Собр. соч. Т. 8 // М.: Юрид. литература, 1969. С. 333.

⁴⁴ Там же. С. 64.

⁴⁵ Кони А.Ф. Там же. С. 58.

⁴⁶ Кони А.Ф. Собр. соч. Т. 2. С. 212.

⁴⁷ Кони А.Ф. Собр. соч. Т. 8. С. 99, 244, 258.

⁴⁸ Там же. С. 131.

⁴⁹ Кони А.Ф. Избр. произведения. Т. 1. — М.: Юрид. литература, 1958. С. 37-61.

⁵⁰ Кони А.Ф. Собр. соч. Т. 8. С. 163.

⁵¹ Хил-Гольдбергская Р.М. Памяти старого друга. В кн.: А.Ф. Кони. Из-

бранное. — М.: Сов. Россия, 1989. С. 449.

⁵² Крыжовников Г.К. Общине ума. Там же. С. 436.

⁵³ Андреева А.П. Памяти Кони. Там же. С. 427.

⁵⁴ Крыжовников Г.К. Общине ума. Там же. С. 435.

⁵⁵ Кони А.Ф. Избранное. Т. 2. — М.: Юрид. литература, 1959. С. 178.

⁵⁶ Уголовное право России. Общая часть. — М.: Статус, 2016. С. 580.

⁵⁷ Кони А.Ф. Собр. соч. Т. 8 // М.: Юрид. литература, 1969. С. 320.

⁵⁸ Там же. С. 234-235.

⁵⁹ Кони А.Ф. Нравственные начала в судебном процессе. В кн.: Кони А.Ф. Избранное. Т. 1. — М.: Юрид. литература, 1958. С. 34.

⁶⁰ Там же. С. 40.

⁶¹ Там же. С. 43-44.